

А. В. Позднеев

НАРОДНЫЕ ЛИРИЧЕСКИЕ ПЕСНИ XVIII ВЕКА

В печатных и рукописных песенных сборниках XVIII в. подавляющую часть (95%) составляют народные лирические песни. Исторические песни в них редки. Следовательно, на XVIII в. падает расцвет народной лирической песни. Некоторые из этих песен созданы, вероятно, в XVII в., но это можно выявить только путем тщательного исследования¹.

Из народных лирических песен особый интерес представляют: а) часто встречающиеся в XVIII в. и не переходящие в XIX в., б) имеющие большую художественную ценность и в) песни с сатирическим элементом. В данной статье рассматриваются четыре такие песни. Они основаны на реалиях XVIII в., что позволяет определить время их сложения.

1

Народная лирическая песня «Ах, пойду я молода через трои ворота» дошла до нас в 15 вариантах (из них пять — первой половины XVIII в.). Большое число вариантов дает возможность воссоздать литературную историю этой песни, проследить ее распространенность, связь с событиями и бытом XVIII в. Приводим вариант ее из рукописного песенника конца 1740-х гг.²

1. Я пойду ли молода
Сквозь трои ворота.
Припев:
Ка́лина моя, малина моя.	7. Где живет душа моя,
Ах, туда бы я пошла.
Припев.
2. Сквозь Оничковы, Морские,
Новотронцки (простые) ³
Припев.	8. Да боюсь злых людей,
И неправедных судей.
Припев.
3. Огленусь млада назад,
Не горит ли мой посад.
Припев.	9. Подсмострят мои следы,
Наведут на мя беды.
Припев.
4. Не бежит ли стар за мной,
Не тресет ли бородой.
Припев.	10. З бела свет погубят,
С милым вовсе разлучат.
Припев.
5. А и к старому деду,
Злому мужу на беду.
Припев.	11. Да хоть дни все потерять
Да у мила побывать ⁴ .
Припев.
6. А другая то на двор,
Где живет сердечной мой.
Припев.	12. Я пойду посижу с ним ⁵ ,
Плону в глаза людям злым.
Припев.
	13. Старый муж любит меня,
Он не станет за себя.
Припев.

Текст этой песни сочинен силлаботоническим стихом с парной рифмовкой, что является остатком силлабики. Все стихи имеют по семь слогов, т. е. налицо равносложность стихов, характерная для конца XVII — начала XVIII в.⁶ Такое строение стиха было новым в народной песне этого времени. В варианте Государственной библиотеки им. В. И. Ленина трети ворота названы «троицкими». Еще в трех рукописных

¹ А. В. Позднеев, Лирическая песня XVII в. В кн. «Русский фольклор», I, М.—Л., 1956, стр. 78.

² Гос. библиотека им. В. И. Ленина, ф. 218, ед. хр. 899, № 78-бис (собрание Абрамова).

³ Слово «простые» из другого варианта песни. В цитируемом было «прижжне».

⁴ Этого двестишья нет в цитируемом варианте. Оно взято из варианта песни, приведенного в фонде «Общества любителей древней письменности». (О.ХХХII, № 13) и в сборнике, хранящемся в Государственном историческом музее (3973, № 207).

⁵ В тексте: Я пойду с ним посижу.

⁶ А. В. Позднеев, Рукописные песенники XVII—XVIII вв. В кн.: «Уч. записки Московского заочного пед. ин-та», т. I, М., 1958, стр. 109.

вариантах встречаются названия ворот: «дубовы», «кленовы», «можжевеловы». Общими названиями ворот с собственными именами оказываются Аничковские, Морские, Новотроицкие (или Троицкие). Эти названия ведут нас в Петербург, и по ним можно датировать песню первой половиной XVIII в. Кстати, песня помещена в рукописном сборнике начала 1730-х гг.⁷ Наименования ворот: «дубовы», «кленовы», «можжевеловы» появились, вероятно, позднее в связи с переходом песни в другие города.

В том, что песня возникла в Петербурге, нет сомнений: упоминаемые в ней Триумфальные ворота обозначены в плане Петербурга 1738 г. на «перспективе» (Невском проспекте) между Мойкой и Большой Морской улицей. В планах Петербурга 1705 и 1725 гг. этих ворот нет⁸.

В «Истории С. Петербурга» сообщается о том, что указом от 23.X.1731 г. разрешено построить ворота у моста через Мойку, на Невском. Фактически же в Петербурге Минихом велось строительство еще вторых и третьих ворот. В описании въезда в Петербург императрицы Анны Иоанновны в 1732 г., после коронации кортеж проследовал по Невскому проспекту от поворота с Литейной улицы. Полки стояли шпалерами «от Триумфальных ворот, сооружаемых поперек перспективы между Троицким переулком и Фонтанкою...», между Мойкой и нынешней Б. Морской стояли другие Триумфальные ворота, а третьи — у Адмиралтейства⁹. Эти «другие» ворота названы Морскими, вероятно потому, что находились около Большой и Малой Морских слобод¹⁰, а первые ворота — Аничковскими по имени Аничковой слободы и Аничкова моста. Аничкова слобода была построена руками пленных шведов для размещения Адмиралтейского рабочего батальона в 1714—1715 гг. у пересечения Невского с Литейной и Владимирской улицами, одновременно с возведением деревянного моста через Фонтанку¹¹. В плане Петербурга 1725 г. у Фонтанки около этого моста находится Троицкое подворье, по которому и переулок назван позже Троицким. Следовательно, и Аничковские ворота могли называться Троицкими¹². В песне упоминаются ворота «Морские, Аничковские и Троицкие», наименование же последних Адмиралтейскими в ней не встречается, может быть вследствие новизны этого иностранного слова.

В четырех вариантах песни после зачина следует такая строфа: «Оглянись млада назад. Не горит ли мой посад». Героиня песни — жительница петербургского посада, состоявшего в 1710-х гг. из многих слобод. Известно, что в 1720—1730 гг. в посад входили слободы: Греческая, Немецкая, Большая и Малая Морские, Пушкарская, Пряильная, Офицерская, Шневе́нского рынка, Шневенская I и II ряда, Кузнечная. В Московской части были еще Ямская и Астраханская слободы и дер. Калинкина. Затем началось строительство шести Переведеновских слобод для размещения мастеров, переведенных из средней полосы России. По плану 1738 г. прибавляются еще слободы Аничкова, Переведеновские, Кузнечная, Свечная, названия которых сохранились в наименованиях улиц.

Таким образом, в основе песни лежала реальная петербургская обстановка начала 1730-х гг.

Судя по приведенному отрывку, героиня песни направляется к центру города, находящегося на берегу Невы, и оглядывается на свой посад — на слободы. Она проходит вначале через Аничковские, затем Морские и, наконец, через третьи ворота. Куда направляется героиня? Одни ворота ведут к старому мужу, другие — к дому, где живет сердечный друг. У него-то она и хочет побывать, да боится злых людей, соседей, которые могут их разлучить. В вариантах второй редакции героине рисуется фигура мужа-старика, бегущего за ней и зовущего ее домой, а она мечтает продать старика и купить молодчика, одетого на «иностранный манер». В вариантах третьей редакции дело ее передается тихвинским судьям, а затем — в низший земский суд. Если в вариантах первой редакции ее судили завистники-соседи, то в третьей — уже судьи по должности: на нее наговаривают дячковы дочери, а она становится затем дяконовой женой. Так постепенно меняется содержание песни. В одних вариантах второй редакции ее сердечный друг показан уже как молодчик, убранный «по-дербентски», позже — «по-немецки», затем — «по-французски», что свидетельствует о смене мод одежды в 1730—1740-х гг.

Устремление героини к дому своего друга и боязнь возможных наговоров находят свое разрешение в смелом порыве, выраженном в конечных строфах песни. Она решает:

⁷ Хранится в Библиотеке АН СССР, 25. 7. 14.

⁸ Планы 1705, 1725 и 1738 гг., составленные Н. Шиловым в 1863 г., см. в кн.: П. Петров, История С. Петербурга. СПб., 1884.

⁹ П. Петров, История С. Петербурга, стр. 266 и 269.

¹⁰ Позже Большая Морская и Малая Морская улицы.

¹¹ П. Петров, История С. Петербурга, стр. 84, 130, 131.

¹² Новотроицкими они названы в отличие от Троицких, находившихся около церкви Троицы у домика Петра Первого.

Да хоть жить, хоть пропасть,
Хоть беда, хоть напасть
и

Да охота все потерять,
Да у мила побывать.

В чем состоит новизна этой песни по сравнению с песнями XVII в.? Рассматриваемая песня сочинена силлаботоническим стихом, с мужской рифмой, создана в рабочей среде. В ней показан решительный характер женщины, ищущей любви и счастья с милым. Из посада, где жили рабочие, переселенные из других городов в Петербург для строительства кораблей и самого Петербурга, она направляется к Адмиралтейству, к верфям. Новыми в способе показа героини являются ее внутренние монологи, в которых выявляются ее колебания, сомнения; она обсуждает все возможные последствия и решает важный для нее вопрос. В вариантах песни второй редакции выступает в комическом освещении образ старого мужа. Его призывы к жене вернуться домой перенесены из песни «Уж ты зимушка-зима» — в ней есть и образ доброго молодца, которого хочет купить героиня.

В вариантах третьей редакции на первое место выдвигается показ судей, которых боится героиня (в первой редакции этот мотив имел третьестепенное значение). Картина судебного учреждения и порядков, царящих в нем, нарисована мастерски, живыми красками:

Да боюсь я злых людей, строгих тихвинских судей:
Обесчестя, приведут в нижний земский строгий суд.
Там исправник зол, суров, не внимает нежных слов.
Убегая от стыда, прошу верхнего суда.
Председатель там сердит, на лицо не поглядит,
Красоты не пощадит, без пощады обвинит...
Он твердит (один) резон, что супружество (закон),
Велит с мужем всегда жить, не велит друга любить...
Благосклонный сударь князь на любовь сыщет указ.
На любовь вить закон ясен: прокурор на то согласен.
Уж я презрю всех судей как бессовестных людей,
Наживу в любви утех, и забуду я их всех¹³.

Эта переделка идет уже из другой общественной среды и отражает екатерининское время с его моралью.

В песне после каждой строфы звучит припев: «Калина моя, малина моя».

Возможно, слова припева «Калина моя» связаны с деревней Калино, находившейся около Петербурга на взморье. Позже эта деревня называлась Калинка¹⁴, а затем превратилась в Калинкину дворцовую слободу, память о которой сохранилась в названии Калинкина моста. Таким образом, анализ песни, сопоставление ее вариантов и редакций дает интересный материал: раскрывает ее историю, связь с другими песнями, позволяет датировать время создания первого варианта песни и ее переработок. Первоначально песня была связана с Петербургом и рабочей средой, содержала указания на исторические реалии (названия ворот по Невскому проспекту). Затем, в вариантах позднейшего времени реалии тускнеют, ситуации обобщаются, исчезают собственные имена и названия, производятся заимствования из других песен, восполняющие забываемые подробности. Далее теряется интерес к самой песне, происходит ее переработка и перестройка в содержании, а также и в форме (исчезновение рефрена).

II

Считаем нужным обратить внимание и на уникальную народную лирическую песню «Ино бог судит», обнаруженную в рукописном песеннике из собрания Абрамова¹⁵. Песня отличается большими художественными достоинствами. В записях XIX в. она неизвестна. В ней выражен протест молодой женщины против гнета, самодурства и пьянства мужа, сопровождавшегося избиением плеткой.

Ино бог того судит, еще спас не попустит.
А как выдали младу не за милую ладу,
Тесова кроватька порожня простояла,
Пухова перина студена пролежала,
Высоко зголовье во слезах помочила.
Еще малые подушки в слезах потонули.
Теплое одеяло в ногах пролежало,

¹³ Гос. литер. музей, фонд Ростовский, шифр 465, № 589. Слова в скобках — из другого варианта того же фонда, шифр 451, № 128.

¹⁴ П. Петров, История С. Петербурга, стр. 53, 54.

¹⁵ Ед. хр. 899, 78-бис (см. примеч. 2 настоящей статьи).

Еще русые косы во всю ночь проскрипели,
 А шелковая плетка во всю ночь просвистела:
 Да со вечера тело а как снег было бело,
 Ко белу свету тело, что котел¹⁶ посинело —
 От ево от пьянства, моего упрямства.
 Я девичья-то нраву отнюдь не покину.

В записях XIX в. сохранились лишь отрывки этой песни. Так, М. Халанский записал в Курской губернии, Шигровском уезде хороводную песню «Молодка, молодка, молодка нездорова» со стихами:

Дубовые двери всею ночь проскрипели,
 Шелковая плетка всею ночь прохлестала,
 По моему телу белому, по платью по цветному...
 Я девичью волю во век не забуду,
 Я бабью ухватку по смерть не покину¹⁷.

Эти фразы в составе другой песни не производят такого впечатления, как в песне XVIII в. Орывки еще меньшего размера находим в других песнях, например в песне «По-подлесу — лесу перелесу» из Новиковского сборника (1780 г.), но речь в ней идет о «воле батюшкиной». Таким образом, отдельные отрывки из изучаемой песни переходили в другие песни еще в XVIII в. В двух рукописных песенниках 1780-х гг. есть песня «Как веchor тоска нападала», в которой говорится об ожидании дружка, а не «лады» (милого мужа), хотя некоторые фразы общи с приведенными выше.

Отрывки ее сохранились в XIX в. в Воронежской и Новгородской губерниях, в песне «Как на дворе (на улице) дождик»¹⁸ и в Орловской губернии в песнях «Кручина, кручинушка большая» и «Рябина, рябина, рябина кудрявая»¹⁹. Приводим текст песни из Орловской губернии:

Шелковая плеточка (2)
 Всею ночь прохлестала
 По моему телу белому,
 По платью по цветному...

За что млада бита...
 — За девичий обычай.
 Девичий обычай
 Умру, не забуду:
 Плясать, играть буду²⁰.

Обзор этих отрывков песни «Ино бог судит» показывает, что песня была распространенной в XVIII в., но к XIX в. стала забываться и «рассыпалась» на отдельные отрывки, вошедшие в другие песни. При этом смысл ее изменялся, расправа мужа плеткой с молодой женой рисовалась уже не такой жестокой и начинала восприниматься как обычное явление, словом — песня умирала.

В тексте песни XVIII в. налицо протест молодой жены, утверждающей свою личность в борьбе с мужем-самодуром. Песня и сейчас, через 200 лет после ее записи, производит сильное впечатление. Это, на наш взгляд, один из шедевров народно-поэтического творчества, к каким можно отнести лишь редкие песни, такие как «Ах, кабы на цветы не морозы», «Соловей кукушку подговаривал» и некоторые другие. Но не всегда песни живут долго, их бытование определяется тем, насколько они выражают понятия и вкусы своего времени. Вероятно, в среде, где бытовала рассматриваемая песня, нравы и понятия изменились и она стала нехарактерной.

III

В сборнике П. В. Шейна «Великоросс в своих песнях, обрядах...» (1898) значительное место отведено юмористическим, сатирическим, скоморошным песням и пародиям (№ 913—1029), среди них есть и небылицы (№ 959, 962, 1023). В сборнике П. В. Киреевского приведена небылица, записанная в Шенкурске («Хотите ль, братцы, старину скажу, старину скажу... Уж как на море, братцы, овин горит»), а в сборник А. И. Соболевского вошли небылицы, записанные в ряде губерний. Небылицы представляют собою набор нелепых полсуждений, явления действительности в них изображены искаженно, «шиворот-навыворот». Но иногда к небылице присоединяли текст,

¹⁶ Написано неразборчиво, можно прочитать и «кожей».

¹⁷ А. И. Соболевский, Великорусские песни, т. II, СПб., 1896, № 501.

¹⁸ П. В. Шейн, Великоросс в своих песнях, обрядах..., т. I, вып. I, СПб., 1898, № 438 и 442.

¹⁹ Там же, № 456; см. также «Песни, собранные Киреевским», нов. серия, вып. II, ч. 2, М., 1929, № 2319.

²⁰ П. В. Шейн, Указ. раб., т. I, вып. I, № 456; см. также «Сборник песен Самарского края, составленный Варенцовым», СПб., 1862, стр. 92.

имеющий политическое звучание, чтобы обезопасить его исполнение, усилить бдительность начальствующих лиц. Так, в одном варианте небылицы из Шенкурска²¹ в записи П. И. Якушкина, известного собирателя лирических песен, есть фраза, не встречающаяся в других вариантах, про мужиков, которые «Езки бьют да ходят рыб ловить, Осетров ловить да бородатых». Смысл этого двустишия разъясняется вариантом небылицы, сохранившимся в рукописных песенниках 1740 и 1750-х гг.²² В первом варианте вслед за текстом небылицы (ст. 1—16) идет необычное продолжение:

Что во славном было во городе в Астрахани,
Дай-ко мужик на реке осетра поймал.
Дай хорош добре осетр и бородушкой трясет,
Дай во синем чекмене, а в желтых чеботах,
Дай рог на бедре и мушкет на плече,
Дайно будто где стрелец, а сам астраханец.
А как лютый зверь полевой, мати, медведь,
По поднебесью летал, хвостом лебедей гонял.

Конец песни восходит, вероятно, к XVII в. — времени крестьянской войны под руководством Степана Разина или началу XVIII в., когда произошло восстание в Астрахани и был казнен астраханский губернатор.

В старейшем рукописном песеннике 1724 г. со светскими песнями из Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (Титов, 4487) есть песня «Во летошнем во прошлом во годе», смысл которой становится ясным лишь при сопоставлении ее с песней Киреевского «Настя по насту гуляла». Приводим их тексты:

Титов, 4487, № 154

Киреевский, № 1382

Во летошнем во прошлом во годе

Настя по насту гуляла.
Устя из-за кусточка стреляла,
Всім ворам весть подавала

Девки на разбой собирались
Русые косы расплетали,
Стали черные руки завивали (?),
Зелены кафтаны надевали,
Сафьяны сапожки обували,
Черные шляпы с позументом.
Катя коня седлала,
Устинья к крыльцу подводила,
Аксинья на конь садилась (2)²³,
Марья коляску запрягала,
Фекла в коляску садилась,
Дарья да Марья на ухабе,
Аксинья, Устинья верховые.

Поехали к Потапову двору.

Потапова дома нелучилось.

Лучилась Потапова дочка²⁴
«Как вам, деушки не стыдно.
Как вам, красные, не сором?»²⁵.
«.....Потапова дочка,
Какие мы красные девицы?»

Садитесь на добрых на коней
Поедмте к дядюшке в гости,
Поедмте к дядюшке к Перфилю,
Поедмте к тетушке Нениле,
И к сестре Степаниды.
Стук, стук, стук в окошко,
Брак, бряк, бряк в колечко.
Дома ли тетушка Ненила?
Дома ли сестра Степанида?

Стешка в окошко глядела:
«Все это, дядюшка, не воры,
Все это красные девки.

²¹ А. И. Соболевский, Великорусские песни, т. VII, № 321.

²² Гос. исторический музей, фонды Уварова (шифр 167/2180, № 84) и Забелина (шифр 389, № 80).

²³ Ср. А. И. Соболевский, Великорусские песни, т. II, СПб., 1896, № 310 «А у нас во Николе во приходе».

²⁴ Там же: Они ехали Юрья разбивати, а Юрья они дома не застали...

²⁵ Там же: А Юрьева дочка догадалась, открыла окошко немножко. Она девушкой речь говорила...

Настя, сестра, атаманом,
 Устя, сестра, есаулом»
 Настя с добра коня слезала,
 Вострую саблю вынимала,
 Дядюшке голову снимала;
 «Ты живи, бабушка, подоле,
 Копи злата, серебра поболе.
 Уж мы к тебе в гости будем,
 Будем, будем, будем, не забудем».

Бориса Петровича солдаты
 Самого первого набора».

Песня на такой же сюжет, как в сборнике Киреевского («Усы»), есть в сборнике Кирши Данилова²⁶, Чулкова, Соболевского²⁷. Но в песне № 1382 из сборника Киреевского действующими лицами оказываются девушки. В старейшем варианте «Усов» из сборника Кирши Данилова налицо пародия на слова, приписываемые атаману историческими песнями, поэтому в них разбойничья тема оказывается смягченной, но зато усилено обличенье зажиточного крестьянина. Песня же из сборника Киреевского «Настя по настилу гуляла» пародирует песню «Усы», показывая нападение на родного дядюшку, которому одна из девок сносит саблей голову. Эта песня выдержана в форме баллады — с кратким изложением некоторых эпизодов, с быстрым развитием действия, с трагическим концом. Иной характер носит песня «Во летошнем, во прошлом, во годе»; ее тон скорее сатирический, девки одеваются в зеленые кафтаны и черные шляпы с позументом, форму, введенную для солдат в армии петровского времени, — и оказываются солдатами фельдмаршала Бориса Петровича Шереметева, главного помощника Петра I в проведении военной реформы. Эта песня направлена против военных реформ Петра I, в частности против солдатской формы, похожей, с точки зрения обывателя, на женскую одежду с украшениями.

Возможно, что и женские имена песни не случайны: имя Устиньи перешло из разбойничьей песни, Марья и Анна — имена сестер Меншикова, Варвара и Дарья — Арсеньевы, на одной из которых женился Меншиков. Катерина Василевская, позже Михайлова — еще позже жена Петра I, Екатерина Алексеевна, будущая Екатерина I.

Песня эта сохранилась в сборнике 1724 г., принадлежавшем тогда офицерам: не свидетельствует ли это об ограниченном распространении песни и сложении ее фрондирующими офицерами?

* * *

Изучение народных лирических песен, сохранившихся в рукописных песенниках за время с 1720 по 1770 г. (время издания первого печатного песенника — Чулкова), вскрывает новые явления в бытовании этих песен и может явиться косвенным историческим источником. Кроме того, народная песня может вскрывать также и взаимодействие книжной литературы с народной лирической песней.

²⁶ «Древние российские стихотворения, собранные Киршей Даниловым», М.—Л., 1958, стр. 634.

²⁷ А. И. Соболевский, Великорусские песни, т. VI, № 456—459.